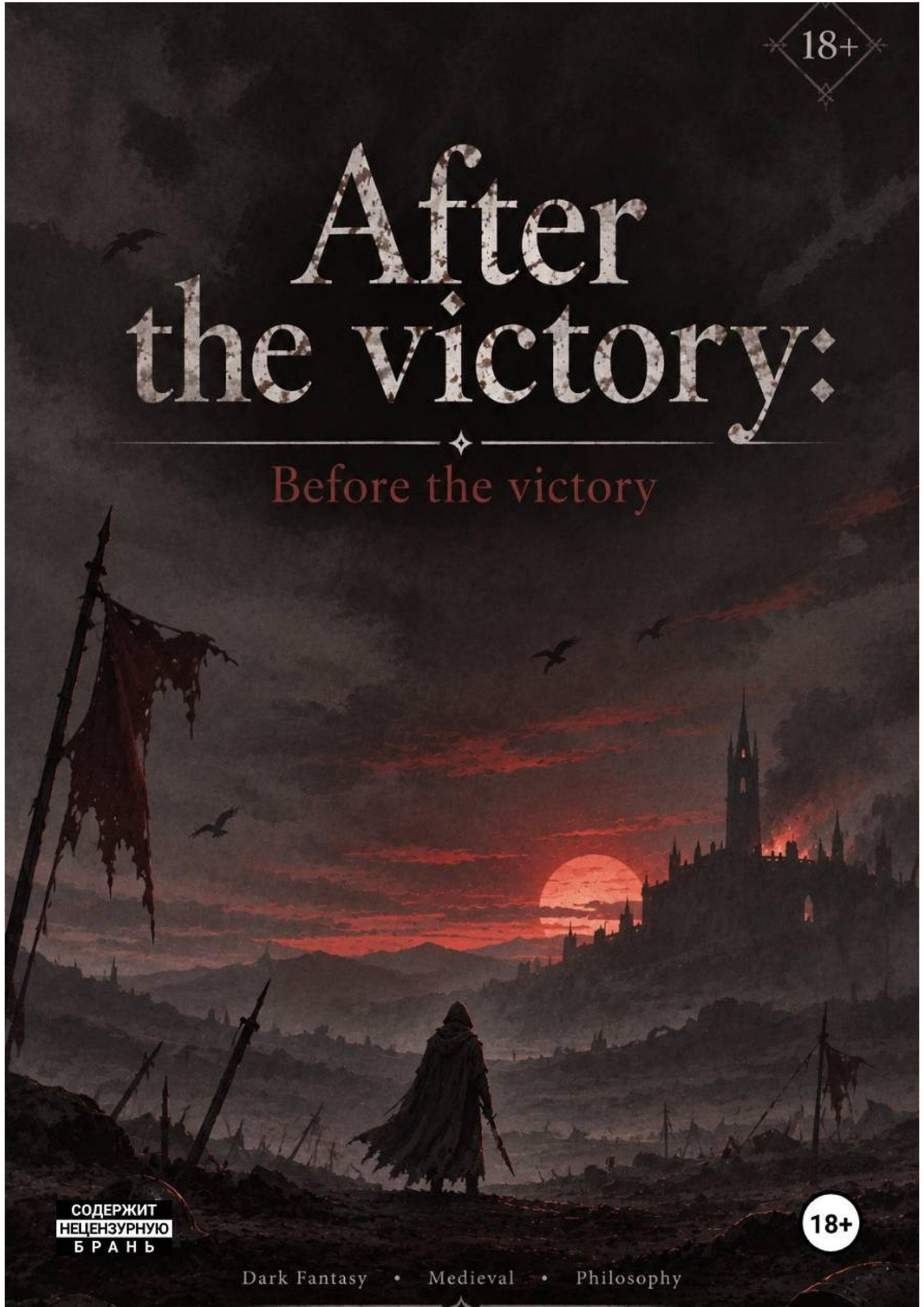
18+

After the victory:

Before the victory

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Dark Fantasy • Medieval • Philosophy

Сенька Просто сенька

After the victory: Before the victory

«Автор»
2025

Просто сенька С.

After the victory: Before the victory / С. Просто сенька — «Автор», 2025

В этом мире нет великих подвигов — только свинцовое небо, заброшенные тракты и прогнившая государственная машина. Здесь человеческая жизнь стоит дешевле ржавого железа, а жестокие государственные арены служат единственным клапаном для сброса народной ярости. Система перемалывает каждого: от простых ремесленников до тех, кто надеется перехитрить её с помощью денег и влияния.Спускаясь в эти жернова со всех окраин, чужак с оторванным знаменем на капюшоне и обломком меча в руке сполна познает цену местного порядка. Каждая деревня, каждый шаг и каждый бой лишь сильнее проявляют скрытую изнанку этой земли.Это история о мире, где правила прописаны кровью, а победа в битве — лишь иллюзия, скрывающая настоящую боль и страх.

© Просто сенька С., 2025
© Автор, 2025

Сенька Просто сенька
After the victory: Before the victory

Глава первая. Жизнь.

Страх не в том, чтобы задать неверный вопрос. Гораздо страшнее пройти весь путь под неправильным ответом.

Запомни.

***

Поле боя всегда заканчивается одинаково. Не победой. Не поражением. Лишь тишиной ярости, обид и проклятий, что так и останется среди погибших.

Он лежал в этой тишине, кровь засыхала на его лице коркой, стягивая кожу вокруг рта и глаз. Юноша лежал на спине среди тел, которые ещё недавно были людьми, мечтавшими о славе, будущем, деньгах, но неизбежно стали частью земли — тяжёлой, мокрой, равнодушной. Вороны уже слетелись. Они сидели на грудях павших, на древках сломанных знамён, на щитах, потрескавшихся от ударов, и ждали. Терпеливо. Им был привычен этот ритуал.

Он дышал. Каждый вдох отдавался в боку тупой, горячей болью, юноша слышал собственный хрип — мокрый, булькающий. Рёбра сломаны. Может, два. Может, три. Он не считал. Считать было нечем — мысли расползались, как черви из перезрелого трупа.

Пальцы правой руки ещё слушались. Он пошевелил ими, чувствуя под ногтями запёкшуюся кровь с землёй. Лезвие лежало в ладони — он не помнил, как удержал его. Ржавое, тупое, без рукояти, оно казалось продолжением его собственной руки, острым но закрытым.

Юноша попытался подняться.

Тело не слушалось. Ноги были чужими, ватными, и когда он напряг их, из горла вырвался короткий, злой стон. Не от боли, больше от раздражения. Он злился на собственное тело, которое отказывалось работать. Злился на небо, которое не давало ему ни дождя, ни солнца. Злился на воронов, которые смотрели на него, как на очередного мёртвого бойца.

Ему удалось перевернуться на бок. Медленно. Стиснув зубы так, что заскрипели они сами. Мир качнулся, и его едва не вывернуло наизнанку — но желудок был пуст, и наружу вышла только жёлтая горечь.

Рядом лежал воин. Крёнгерский, судя по красному плащу — точнее, по тому, что от него осталось. Плащ был изорван, пропитан кровью, и под ним угадывалось тело — крупное, тяжёлое, уже начинающее коченеть. Лицо воина было наполовину снесено ударом, и то, что осталось, не выражало ничего. Просто мясо. Просто кость. Просто ещё один кусок мира, который перестал быть человеком.

Юный парень смотрел на него секунду. Две. Потом его взгляд скользнул ниже — к доспеху. Кожаные ремни, металлические пластины, застёжки. Всё это нужно было снять. Всё это скрывало то, что ему было нужно.

Он пополз.

Короткими, судорожными рывками, подтягиваясь на локтях, оставляя за собой борозду из крови и грязи. Лезвие он волочил за собой, зажав в кулаке, и оно скребло по земле с тихим, жестяным звуком. Вороны не улетали. Только переступали с лапы на лапу, наблюдая.

Добравшись до воина, он навалился на него всем телом, нашарил застёжку на боку доспеха. Пальцы не слушались, скользили по коже, срывались. Он дёрнул сильнее. Ремень лопнул с сухим треском.

Пластина отошла. Под ней — рубаха, пропитанная кровью, и живот. Вздутый, синеватый, уже начавший пахнуть.

Он не морщился. Не отворачивался. Просто смотрел, как смотрят на работу, которую нужно сделать.

Лезвие вошло в плоть тяжело. Тупое, оно не резало — рвало, раздирало, оставляло рваные края. Он надавил сильнее, чувствуя, как металл скрежещет по кости, и отрезал кусок мяса с ладонь. Из-за использования тупого лезвия без рукояти — раны что едва зажили на его ладони — раскрылись вновь. Мясо было тёмным, почти чёрным, и от него шёл тяжёлый, сладковатый запах.

Юноша поднёс его ко рту.

Его глаза не проявляли ничего, а лицо было качественно скрыто под капюшоном из тряпья.

Земля хрустела на зубах. Ржавчина оставляла на языке металлический привкус, смешиваясь с чем-то солёным и тухлым. Он жевал медленно, механически, не чувствуя вкуса. Глотал. Откусывал снова.

Вороны смотрели.

Юноша не обращал на них внимания. Он ел, потому что должен был есть. Потому что завтра — если оно наступит — ему нужно будет встать. Потому что голод был врагом, а он не позволял врагам побеждать.

Кусок закончился. Он вытер рот тыльной стороной ладони, размазав кровь и грязь по лицу, и откинулся назад. Голова закружилась. Мир поплыл — серое небо, чёрные птицы, красные плащи, бурые лужи.

Он хотел встать, сильно хотел.

Но тело было тяжелее гордости. И глаза закрылись сами собой.

***

7 октября 1338 года. Городская площадь Скартнира.

Дождь начался утром и не прекращался. Мелкий, колючий, он моросил улочки города, и превращал каменные плиты площади в скользкое месиво. Люди стояли, натянув капюшоны и накинув на плечи мешки, чтобы защитить ткань. Кто-то пришёл с детьми, те не плакали — они смотрели, широко раскрыв глаза, как смотрят на что-то, чего не понимают, но что кажется им важным.

Виселица стояла в центре. Простая, тупая деревянная судья — три столба и перекладина. Верёвки уже были накинуты, и пустые петли покачивались на ветру, это было хуже всего. Пустые петли всегда хуже.

металлические доспехи заскрипели, а из толпы показали пара стражников в доспехах, держащих большие мечи в ножнах.

Стража вела мужчину лет сорока, в рваной рубахе, босой. Он шёл сам, не упираясь, и лицо у него было такое, будто он уже и не жил вовсе.

— За сотрудничество, — объявил глашатай, и голос его звучал так же монотонно, как дождь. — Помогал головорезу. Приговор — смерть через повешение.

Кто-то в толпе засмеялся. Коротко, нервно. Кто-то заплакал — тихо, в кулак.

Уставшую кожу на шее обволокла грязная и бугристая петля, прилегающую к ней всё крепче. Влажное подобие дождя уже намочило все волосы и лицо мужчины, а одежда неспешно подёргивалась от холодного ветра.

Мужчина взглянул на толпу зевак. Столько людей, но никто никогда не попытается его спасти. Последняя капля человеческой надежды в лучшее — всё ещё горела даже в такой плачевной ситуации.

Рычаг дёрнули, чуда не случилось. Тело повисло, задёргалось, и, через несколько секунд обмякло. Кто-то из толпы ахнул. Стража подождала немного, что-то бурно обсуждая, а затем переключились на висельника и скинули тело на пол, прямо в лужу грязи.

Женщина в толпе, совсем худая, в старом платье, с лицом, изрезанным морщинами — рванулась вперёд.

— Как же так, мой дорогой — крикнула она, пытаясь подавить истерический плач.

Люди вокруг просто наблюдали, не боясь промокнуть под дождем ради такого зрелища. Злобы не было, лишь лицемерный интерес.

Стражник был молодой, с прыщавым лицом и тупыми глазами — оттолкнул её древком копья.

— Женщина, тело это собственность короны, — сказал он равнодушно. — Если так хочешь забрать — плати.

— Сколько же? — Женщина шарила за пазухой, вытаскивала монеты — медные, потёртые, несколько штук. — Скажите пожалуйста, этого хватит? Господи, мой муж.

Стражник посмотрел на монеты. Потом на неё. Потом снова на монеты.

— Мало, — сказал он.

— Это всё что я могу сейчас дать.

— Тогда вали, жена приступника.

Стража не смеялась, не пытались задеть женщину сильнее, обсуждали что-то будничное.

Пожилая женщина из толпы зевак перебила разговоры стражников, выкрикивая: — Та отдайте же вы даме тело, она итак еле держится.

Женщина убитая горем стояла возле тела, сжимая монеты в кулаке, и слёзы текли по её лицу, смешиваясь с дождём. Стражник вздохнул — так, будто она мешала ему выполнять работу, — и ударил её древком по лицу.

Женщина упала. Монеты рассыпались по грязи.

Толпа не двинулась. Люди стояли и смотрели. Некоторые отвернулись. Некоторые — нет.

— Закон — есть закон, а кто не соглашен — может идти в конец очереди.

Стражник кивнул головой в сторону оставшихся осужденных, неподалёку от виселицы.

Желающих не оказалось. Даже женщина готовая терпеть побои и отдать все деньги — не решилась встать в очередь, предпочитая продолжать лежать в грязи, с намокшими волосами у себя на лице.

Второго повесили быстрее. Третьего — ещё быстрее. Дождь усиливался, и петли намокали сильнее, верёвки набухали, и звук, с которым они натягивались, был тяжёлым, пугающим.

Он пришёл на площадь, когда вешали четвёртого.

Никто не заметил, как он появился. Просто стоял у края толпы, неподвижный, как столб. Плащ из тряпья, сшитого грубыми стежками, висел на нём мокрыми лохмотьями. Капюшон был надвинут на лицо, и под ним не было видно ничего — только темнота и, если присмотреться, белки глаз.

На шее у него висела верёвка. петля — очень старая петля, обрывок, завязанный узлом. Концы её свисали на грудь, и она была грязной, потёртой, с тёмными пятнами, похожими на засохшую кровь.

В правой руке — лезвие. Ржавое. Сломанное. Без рукояти. Тупое.

Он смотрел, как вешают людей. Не было ни интереса, ни беспокойства. Просто смотрел — так, как смотрят на огонь или на воду. На что-то, что не требует от тебя ни участия, ни оценки.

Медленное подёргивание уголков плаща от ветра — единственное что могло ещё как-то отличить его от пустоты, что точно так же застыла, и продолжает стоять.

Рядом с ним стоял торговец — толстый, в хорошем плаще, с золотой цепью на шее. Он жевал что-то, купленное у лоточника, и запивал вином из фляги.

— Много сегодня, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Говорят, ещё пятерых поймали недавно. Карманники. Или варвары. Кто их разберёт.

Он откусил ещё кусок и посмотрел на героя. Потом на его лезвие. Потом снова на героя.

— Парниша, тебе меч случайно не нужен? — сказал он, и в голосе его не было ни страха, ни враждебности. Просто наблюдение. — Пади больно лезвием сражаться?

Герой не ответил. Он не повернул головы. Он смотрел, как дёргается в петле очередное тело — молодое, тонкое, почти детское.

— Ненормальный видимо, — торговец хмыкнул. — Ну и ладно. Денег у тебя всё равно скорее всего нет.

Он допил вино, бросил флягу под ноги и ушёл, растворяясь в толпе.

***

Пятый висельник оказался женщиной. Молодой — лет двадцати. Она плакала, когда её вели, и что-то говорила — быстро, сбивчиво, обращаясь то к страже, то к толпе. Её не слушали.

— Я не знаю его! — кричала она. — Я не...

Петля оборвала её слова.

Толпа вздохнула — единым, коллективным выдохом. Кто-то зааплодировал. Кто-то засвистел. Кто-то осуждающе бормотал себе под нос, уходя.

Юноша смотрел. Изредка, на него тоже поглядывали зеваки.

Когда тело перестало дёргаться и повисло, качаясь на верёвке, он наконец двинулся. Но не к виселице, а в сторону. К человеку, который стоял у стены дома, прислонившись к ней, и курил трубку. Старик. Сгорбленный. С лицом, покрытым глубокими морщинами, и глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться.

Кто-то из прохожих заметил неизвестного в капюшоне, окинул взглядом, но затем просто прошёл мимо, предпочитая не расспрашивать.

Юноша остановился рядом. Не слишком близко, но и не слишком далеко.

Не успев ничего сказать, старик выкуривая дым из своей трубки, начал разговор первым.

— Тяжёлое оружие носишь парень. Старик кивнул на ржавое лезвие в руке юноши. — Не урони его.

Последняя фраза прозвучала особенно серьёзно.

Дым от трубки уходил далеко в серое небо. Запах табака и дождя смешался вокруг них.

— Не ходил бы ты тут один. Поговаривают, головорез и сюда добрался.

— Дорога к деревне у проклятого хребта, — Сказал юноша.

Голос был низкий, хриплый. Как будто им давно не пользовались. Как будто он забыл, как это делается.

Старик вынул трубку изо рта. Посмотрел на героя. Без страха. Без интереса.

— Ну да, у проклятого. — передразнил он грубость парня.

— Дорога до хребта, — повторил юноша. Губы казалось даже не касались друг друга, а злоба пропитывала каждое его слово.

Старик помолчал. Пожевал губами. Снова поднёс трубку ко рту, затянулся, выпустил дым.

— К кузнецу идёшь? — сказал он наконец. — Зря стараешься.

Повозка с лошадью проехала мимо них, пожилой мужчина кивнул проезжающему мимо человеку, провожая его взглядом.

— Хорошо когда повозка есть. Он закурил. Втягивая дым, его пробило на кашель. Некоторое время он пытался откашляться, наклонившись вперед.

Юноша стоял неподвижно, пристально смотря на старика и сжимая ладонь с лезвием.

— Иди на самый север Крёнгера, короче, прямо к границе с варварскими землями. Там пади и живёт ещё тот кузнец.

Старик поковылял к толпе у виселицы.

— Дня два пути. Передай привет от меня, если он конечно ещё не сгнил в своей кузне. Бросил напоследок, выбил трубку о стену. Спрятал её за пазуху и растворился в толпе.

Юноша ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел на старика из-под капюшона, и в этом взгляде не было угрозы. Не было просьбы. Только что-то тяжёлое, тёмное, как дно колодца.

Он не сказал спасибо. Не сказал ничего. Просто повернулся и пошёл — мимо толпы, мимо виселицы, мимо тел, которые качались на верёвках, и мимо женщины, которая всё ещё стояла на коленях в грязи, собирая рассыпанные монеты.

Парень не обернулся назад, шёл под дождём, веревка на шее покачивалась, а тишина вокруг него — словно бремя, что он не заслуживает сбросить.

***

Дождь прекратился к вечеру. Небо отдавало багровым, смешанным с серым, и над Скартниром повисла холодная, мрачная тишина.

Ставни закрылись одна за другой. Двери заперли на засовы. Детей загнали домой — кто-то за руку, кто-то окриком, кто-то молча, подтолкнув в спину. Улицы опустели быстро, будто город выдохнул и затаился.

Ночь не обещала ничего безопасного. Особенно в последние дни.

На столбе у перекрёстка висела бумага. Край её дрожал от ветра, угол отклеился и хлопал о дерево. Бумага была старой — выцветшей, с размытыми чернилами, — но ещё читаемой. Снизу стояло число, написанное с двумя нулями. Сверху — рисунок лица. А над рисунком, огромными буквами: ВНЕ ЗАКОНА.

С бумаги смотрел мужчина. Средних лет. Длинные волосы, тяжёлый взгляд — такой, что не нужно было объяснять, что этот человек сделает с тобой, если ты окажешься на его пути. От щеки до угла рта тянулся заживший порез — кривой, будто кто-то пытался перерезать ему глотку и не довёл дело до конца.

Юноша стоял перед столбом. Смотрел на бумагу. Потом пошёл дальше.

Голод был врагом. Он сидел внутри, тихий и настойчивый, и напоминал о себе каждые несколько минут — сжатием в животе, сухостью во рту, тупой тяжестью в ногах. Юноша привык. Привык к этому чувству, но игнорировать не мог.

Он шёл через город, не выбирая дороги. Мимо закрытых лавок с тяжёлыми ставнями. Мимо домов, где за окнами ещё горел свет — тусклый, желтоватый, но такой чужой. В одном окне мелькнуло лицо: женщина, выглянувшая из-за занавески. Увидела его — верёвку, лезвие, капюшон — и занавеска дёрнулась обратно. Свет погас.

Он не обратил внимания и пошёл дальше.

Переулок вывел его на площадь — не ту, где всего несколько часов назад судили, а торговую. Рынок закрылся ещё днём, но прилавки не убрали. Пустые, тёмные, они стояли как надгробия. Ветер шевелил обрывки ткани, забытые тряпки, солому. Где-то вдалеке перекликались стражники — коротко, без тревоги, просто проверяли улицы.

Юноша замедлил шаг. Взгляд скользнул по прилавкам. Под одним оказалось тёмное пятно. Он наклонился. К счастью, там лежал хлеб. Сухой, уже протоптанный, с отпечатком чьего-то сапога. Он взял его. Отряхнул. Сунул в рот.

Жевал быстро. Вкуса почти не чувствовал. Просто двигал челюстями.

У соседнего прилавка стояла бочка. Внутри кажется находились яблоки. Большинство гнилые, уже покрытые тёмными боками. Он выбрал те, что ещё держали форму. Съел одно. Второе. Третье — уже не глядя, просто чтобы заполнить пустоту внутри.

Злоба не уходила. Она была где-то глубоко, под голодом, под усталостью, под всем остальным. Тихая, первосортная злоба на всё.

Он выпрямился. Вытер рот тыльной стороной ладони. Посмотрел на пустую площадь.

Где-то в глубине города, в одном из переулков, кто-то закричал. Коротко. Оборвался.

Юноша не двинулся. Просто стоял и слушал тишину, которая наступила после.

В тёмном переулке, у стены дома, стояла женщина с ребёнком на руках. Она покачивала его — медленно, механически, — и смотрела в темноту перед собой. Одежда на ней была мешковатой, старой, давно не стиранной. Ноги босые. Лицо измазано грязью — то ли сажа, то ли просто уличная грязь, въевшаяся в кожу.

Из темноты выступил мужчина.

— Мадам.

Она вздрогнула. Обернулась — резко, всем телом, прижимая ребёнка к груди.

— Ой, простите, — сказал мужчина. Голос мягкий, почти извиняющийся. — Не хотел вас напугать.

— Вы кто? — Голос дрожал. Она отступила на полшага, вжалась в стену.

— Я живу в этом доме. — Мужчина кивнул на строение справа. — Вижу, вы тут не первый день ночуете.

— Это всего второй день, — перебила она. — Всего второй.

Мужчина на мгновение замолчал, а затем продолжил, всё так же уверенно.

— Вы очень упрямы. — Он усмехнулся. — Я не следил за количеством дней. Но даже один день на мокром камне — не самое приятное.

Женщина молчала. Ребёнок у неё на руках завозился, захныкал. Она закачала его сильнее.

Мужчина вздохнул. — К тому же, сейчас здесь вроде бы появился жестокий убийца. Я бы хотел предложить вам переночевать у меня.

Пауза.

— Я пойму, если откажете. Но даже мне было бы спокойнее, если бы женщины с детьми не ночевали возле моего дома.

Женщина смотрела на него. В темноте лица было не разглядеть — только силуэт, широкий, спокойный. Голос звучал ровно. Мягко.

— Спасибо, — сказала она наконец. — Но мы... мы справимся.

Мужчина опустил руки. Помолчал. Смотрел на неё несколько секунд — долгих, тяжёлых.

— Печально. Голос мужчины прозвучал устало, буднично.

Женщина сжала ребёнка сильнее.

— Знаете, — начал он медленно, подходя ближе, — знаете ли вы, почему головореза назвали именно так?

Женщина отступила. Спина упёрлась в стену. Отступать было некуда.

— Не... не подходите.

— Головорез оставляет своих жертв без головы, — сказал мужчина. Голос изменился. Мягкость исчезла — остался сухой факт, с лёгкой злобой, будто он объяснял что-то очевидное и надоевшее.

— Нет. Нет, нет...

Она сползала по стене. Ноги отказывали. Ребёнок заплакал — тонко, испуганно.

— Я хотел убить вас, когда вы пойдёте к дому и отвернётесь, — сказал мужчина. — Так было бы меньше криков. И мне неприятно, когда на меня смотрят таким взглядом.

Кинжал блеснул в темноте. Лезвие — короткое, острое, уже знакомое с чужой кровью.

— Прошу... — Женщина сжалась, закрывая ребёнка собой.

Удар был точный. Лезвие вошло в плоть, прошло через хрящ и вышло наружу. Хрип — тихий, булькающий — ещё несколько секунд гулял по переулку. Потом стих.

Ребёнок плакал. Мужчина наклонился. Через минуту плач прекратился.

Он выпрямился. Стоял с кинжалом в руке. Ухмыльнулся. Порез от щеки до губы кривился вместе с улыбкой, делая её неровной, почти жалкой — если бы не кровь на лезвии.

Тела лежали у стены. Он посмотрел на них. Потом наклонился — и сделал то, что делал всегда. Головорез воспользовался трупом женщины. Ведь он мог, ведь мир не всегда наказывает зло.

Ночь стояла в самом апогее. Луны не было — тучи тяжёлые, низкие, закрывали всё небо. Дождь ещё не начался, но воздух был мокрым, готовым вот-вот разродиться.

Юноша сидел у прилавка на пустом рынке. Лезвие находилось в руке, так, чтобы можно было пырнуть в любой момент. В левой — недоеденное яблоко. Он жевал медленно, глядя на прилавок перед собой.

Из темноты очередного переулка раздались шаги.

Быстрые, они были неровные. Кто-то бежал.

Юноша не двинулся. Даже рука с яблоком не остановилась.

Из переулка выбежал мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмной одежде. Дышал тяжело — но не от усталости, скорее, от возбуждения.

Он увидел юношу. Остановился. А затем улыбнулся — криво, из-за пореза.

— Здравствуйте, — сказал он.

Медленно, совсем без опаски, парень протёр рот рукой, а затем повернулся в сторону мужчины.

Глаза его пристально смотрели на головореза. В них была лишь злоба, вперемешку с чем-то животным.

Лоб головореза покрылся холодным потом. Тело непроизвольно вздрогнуло.

Глава вторая. Головорез

5 октября 1338 года. Два дня назад.

— Арон!

Крик прокатился по лагерю — басистый, короткий, как удар молота по наковальне. Капитан отряда Светлой стали стоял у входа в белый шатёр, и его голос не терпел возражений.

Арон опустил меч. Дерево перед ним было исполосовано — десятки зарубок, старых и свежих, — и от очередного удара по коре полетела щепа. Он вытер лицо тыльной стороной ладони, убрал меч в ножны и пошёл через мокрую, пожелтевшую траву к лагерю.

Ветер дул с севера — холодный, упрямый. Кожаный полог палатки хлопнул и выскользнул из руки, и Арону пришлось приложить усилие, чтобы справиться с ним и войти.

Внутри было тепло. Пахло кожей, железом и элем. Капитан сидел на стуле у дальнего края палатки, начищая меч. Большими руками он водил тряпкой по клинку — медленно, методично, будто это было единственное, что имело значение.

— Ты ослушался приказа, — сказал капитан. Голос глухой, низкий.

— Ты должен был собрать отряд, но вместо этого целый день тренировался.

— Я прошу прощения, капитан.

Арон смотрел прямо. Брови чуть опущены, а в голосе совсем никакого раскаяния.

Капитан встал. Стул скрипнул, ножки напряглись и выпрямились. Медленно, он двинулся к столу и стал наливать эля в деревянную кружку.

— Арон. — Он не повернулся. — Дерево не воин. Ударь хоть сотню раз, хоть две — оно не научит тебя сражаться.

Арон молчал. Смотрел, как капитан пьёт эль залпом. До самого дна.

— Ты сильный воин, Арон. Но тебе не хватает опыта.

Кружка стукнула о стол. Капитан помолчал, подбирая слова.

— Есть те, кто берут меч не для тренировки. Он им нужен, чтобы жить.

— Капитан. — Арон шагнул вперёд. — Мы отошли от темы.

Удар. Деревянная кружка впечаталась в стол — звук разнёсся по всему лагерю, отскочил от стен палатки.

— Не перебивай, тирон!

Капитан выдохнул.

— Ты неопытен, юн. Прежде вряд ли встречался с подобными врагами. — Он налил ещё. — Да и в последней битве при Дарнии ты не участвовал.

Арон не двинулся. Взгляд был решительным, но не настолько, чтобы спорить.

— Человек, что взял меч ради убийства. Такие подонки тебе нужны, чтобы сполна окунуться в мир войны.

Снаружи послышался смех. Кто-то из воинов у котелка рассказывал смешную ситуацию. Обычный лагерный шум.

— Они ужасны. Зверьё, не иначе. Но это и отличный способ познать настоящий бой. — Капитан поставил кружку. — Головорез — один из таких.

Пауза.

— А по поводу наказания за твоё ослушание... — Он покрутил кружку в руке. — Возглавишь небольшой отряд. Отправишься в Скартнир. Там, по слухам, остановился головорез.

Арон нахмурился. Недовольство проступило на лице.

— Я вас понял, капитан. Головорез будет схвачен.

Он отдал честь и развернулся, чтобы уйти.

— И если будешь ещё отлынивать от заданий тренировками — тренируйся с людьми из отряда. Они хотя бы отпор могут дать.

Арон вышел.

Лагерь жил своей жизнью. Кто-то ел, кто-то спал, кто-то чинил снаряжение. Никто не смотрел на него. Он прошёл мимо всех — к одинокой поляне у леса.

Трава была мокрой. Обувь промокла через минуту. Он дошёл до дерева — старого, с толстым стволом — и остановился.

— Опыта мало?!

Рык вырвался из горла. Меч вылетел из ножен, вошёл в дерево — молниеносно, глубоко. Арон выдернул его.

— Да я сотни гнусных варваров порубил! Какого опыта не хватает?!

Второй удар. Из-за злобы — менее точный. Меч вошёл под углом, застрял, и когда Арон дёрнул — клинок сломался. Две половины упали в траву.

Он замер. Смотрел на обломки. Дышал тяжело.

— Настоящий бой не видал... — сказал он тихо, сам себе. — А с кем я тогда всё это время сражался?

Ответа не было. Только ветер в ветвях и мокрая трава под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.